

В тишине просторного дома раздавалось лишь редкое потрескивание дров. Окутанный теплым отсветом пламени, Ецянь сидел неподвижно, с застывшим, бесстрастным лицом, лишь изредка поворачивая вертел с рыбой над углями.

Неподалеку, свернувшись калачиком в теплой перчатке, сладко спал Шу Сюнь. Мягкая хлопковая ткань с густым начесом отлично сохраняла тепло, так что у костра крохотный Пушок не чувствовал и намека на холод. Время от времени он ворочался и сладко причмокивал, вдыхая густеющий аромат жареной рыбы — похоже, во сне ему уже грезился роскошный пир.

Наконец, не устояв перед манящим запахом, Шу Сюнь приоткрыл глаза. Сонно зевнув, он выбрался из своего уютного гнезда, натянул крохотную одежку и, забавно шлепая лапками, подошел к Ецяню. Усевшись рядом, малыш замер в чинном ожидании, готовый в любой момент приступить к трапезе.

Повисло молчание. Спустя пару минут Шу Сюнь сообразил, что это прекрасный повод наладить дружеские отношения с напарником. Не в силах больше бороться с искушением, он попытался:

— Что это за рыба?

— Киноварная рыба с золотой каймой, — отозвался Ецянь, даже не шелохнувшись.

Шу Сюнь удивленно моргнул. Он не ожидал, что напарник с ходу определит породу. «Всё-таки он игрок высочайшего класса, не иначе», — уважительно подумал малыш.

Ецянь не смотрел на Пушка, но, кажется, легко угадал его мысли. Одной рукой он продолжал придерживать вертел, а другой полез в карман. Спустя мгновение перед Шу Сюнем опустился увесистый фолиант.

— Нашел в одном из соседних домов.

Едва Ецянь разжал пальцы, книга мгновенно раздалась, приняв свой первоначальный размер. Шу Сюнь так и замер: это оказалась кулинарная книга — увесистый, богато оформленный фолиант с яркими, аппетитными иллюстрациями, мгновенно приковавший к себе взгляд.

Разделы в ней были упорядочены по видам продуктов. Добрый десяток страниц отводился под всевозможную рыбу и тонкости ее приготовления. Оказалось, томящаяся над углями киноварная рыба с золотой каймой — знаменитый местный деликатес, который водился в озере Вэй. Шу Сюнь забрался прямо на разворот и принялся увлеченно разглядывать изысканные яства, от одного вида которых пробуждался зверский аппетит. Время от времени

он подбегал к краю плотного бумажного листа, с кряхтением поддевал жесткий переплет и переворачивал страницу.

В чате трансляции тут же посыпались комментарии:

— Впервые вижу, чтобы чтение требовало стольких физических усилий!

— Бедный малыш! Пока дочитает до конца, проголодается еще сильнее — чисто от усталости!

— А я боюсь, как бы Сюньсюня случайно не пришибло этой тяжелой страницей...

— Смотрю на то, как он читает, и прямо чувствую, сколько у него забот! Такой деловитый комок...

Тем временем занятый делом Шу Сюнь одолел очередной разворот. Глаза его вдруг радостно блеснули. Он торопливо подбежал к иллюстрации и ткнул лапкой в аппетитное изображение фирменной запеченной рыбы:

— Вот эта наверняка безумно вкусная!

Ецянь скользнул взглядом по странице. На картинке была изображена сверкающая серебряная рыба-сабля, отмеченная как особый деликатес из города Сыми.

— Не знаю, — честно признался он. Все эти виды обитали лишь в ледяной галактике, так что пробовать их ему не доводилось.

— А вот у меня на родине водится очень похожая рыбка, — со всей серьезностью поделился Шу Сюнь. — Только совсем крохотная, вот такусенькая! — он широко развел ручки, показывая размер. — Зато невероятно вкусная. Если ее как следует зажарить, косточки становятся совсем хрустящими.

Ецянь на секунду задумался.

— Декоративная серебряная рыба-фонарь? Да, сходство действительно есть. У меня дома в аквариуме плавает несколько таких. Не думал, что их едят.

Шу Сюнь мысленно вернулся к той серебристой малютке, которую когда-то выловил из чужого аквариума. Надо же, значит, она зовется рыбой-фонарем. С удовольствием вспомнив ее вкус, он убежденно закивал:

— Да-да! Вкус просто потрясающий!

Ецянь погрузился в раздумья. Раз уж зашел разговор о водных обитателях, стоило разузнать, нет ли в этом мире какого-нибудь особенного корма. Будучи страстным аквариумистом, он сразу же загорелся идеей раздобыть редкое лакомство для своих домашних любимцев и мысленно добавил этот пункт в список приоритетных задач на игру.

Шу Сюнь продолжил увлеченно перелистывать страницы. Судя по всему, кулинарное искусство в этом мире процветало, а разнообразие фауны просто поражало воображение. Время от времени малыш наткался на рыб, отдаленно напоминавших те виды, которые ему доводилось пробовать раньше. В такие моменты он неизменно тыкал в картинку пухлым пальчиком, делаясь открытиями с напарником.

Ецянь, хоть и не отличался многословием, отвечал охотно и подробно. После недолгого обсуждения он с удовлетворением отметил, что не ошибся, выбрав этого кроху в напарники. Гастрономические предпочтения Шу Сюня удивительным образом совпадали с его собственными вкусами коллекционера — редкое и весьма приятное единодушие.

Тем временем зрители трансляции вовсю развлекались:

— Бьюсь об заклад, Бог Ночи опять начнет рыскать по локациям в поисках рыбьего корма!

— Кажется, Сюньсюнь обожает рыбу, причем исключительно декоративную. Обхохочешься!

— Ну так с его габаритами только аквариумных рыбок и лопать, идеальный размерчик!

— Срочно бегу покупать аквариум! Пушок, лапочка, иди ко мне!

— Кстати, Бог Ночи ведь из каждой игры тащит в реальность новые виды рыб и диковинные корма. Безумно интересно взглянуть на его домашний аквариум!

— О да! Наверняка его коллекция стоит целое состояние. Там небось плавают редчайшие, а то и вовсе вымершие виды. Ребята, собираем банду на ограбление его аквариума!

В тишине виллы, как раз когда Шу Сюнь одолел треть увесистого фолианта, рыба наконец дошла до готовности. Заметив это, малыш тут же захлопнул книгу, метнулся к своему рюкзачку и после недолгих поисков извлек два миниатюрных фарфоровых блюдца, оставшихся с прошлой трапезы. Удерживая посуду над головой, он торопливо притопал обратно к костру, аккуратно расставил тарелки и чинно уселся рядом. Все эти действия он проделал настолько ловко и молниеносно, что к тому моменту, когда Ецянь разделил рыбу, перед ним уже красовались готовые к подаче блюдца.

Ецянь положил самый сочный кусок с брюшка на тарелку Шу Сюня. Малыш сперва опустил взгляд на свое угощение, а затем с сомнением покосился на порцию напарника.

— Мало? — бесстрастно спросил Ецянь.

Шу Сюнь указал крохотным пальчиком на хвост в тарелке Ецяня:

— Я хочу хвостик.

Тот ненадолго задумался.

— Там много мелких костей.

Шу Сюнь гордо похлопал себя лапкой по грудке:

— Не застрянут!

В итоге они обменялись порциями. И едва Шу Сюнь принялся за еду, Ецянь наконец осознал истинный смысл заявления малыша — его ротик был физически меньше большинства рыбьих костей, так что проглотить их он при всем желании не мог.

— Ха-ха-ха! Представляю лицо Бога Ночи! И ведь не поспоришь — действительно не застрянут!

— Да он их физически проглотить не сможет! И надо же, Пушок предпочитает хвосты...

— Почему каждый раз, когда я вижу, как этот пушистый комочек ужинает прямо на тарелке, у меня у самого просыпается зверский аппетит?

Одного рыбьего хвоста с лихвой хватило, чтобы Шу Сюнь снова наелся до отвала. На его блюде остался лишь идеально обглоданный скелет и аккуратная кучка тонких косточек — ни единого волокна нежного мяса. Ецянь уже давно подметил эту черту напарника: тот всегда съедал всё без остатка. По мнению Бога Ночи, привычка была весьма похвальной. (Где-то в реальном мире в этот момент содрогнулись все аквариумные рыбки...)

Обед закончился, но сна не было ни в одном глазу. За окном царили вечные сумерки — солнца не было видно, но белизна снегов давала достаточно света. Ецянь поднялся, чтобы проверить вентиляционные отдушины: в лютые морозы их запросто могло затянуть ледяной коркой. Для лагеря они выбрали тот самый первый дом, который Шу Сюнь обследовал вначале — единственный уцелевший и чистый во всем квартале. Наводить свои порядки и переставлять мебель никто не собирался. Ецянь привык легко приспосабливаться к любым условиям, а Шу Сюню... Шу Сюню для полного счастья хватало одной теплой перчатки.

Шу Сюнь от нечего делать собирался и дальше листать кулинарную книгу, как вдруг вспомнил о черном блокноте, который он вытащил из кармана замерзшего мертвеца. Самое время изучить его: все-таки это был первый встреченный ими местный житель, пусть и погибший, так

что в его записях наверняка крылись важные подсказки.

Устроившись поудобнее, Шу Сюнь выудил блокнот из рюкзака. Когда вещица приняла свой первоначальный размер, он принялся внимательно ее рассматривать. Это была обычная черная тетрадь формата А4 — куда меньше кулинарного фолианта, толщиной всего лишь до пояса малышу, так что переворачивать листы оказалось намного проще.

На черной обложке красовались изящные узоры из тусклого золота, придававшие блокноту благородный, классический вид. Шу Сюнь приподнял твердый переплет и на первом же чистом листе в правом нижнем углу обнаружил аккуратно выведенное имя: Цин Мо.

Почерк был беглым, изящным и на редкость ровным — смотреть на такие строчки было одно удовольствие. Шу Сюнь согласно кивнул: эти изысканные буквы отлично вязались с обликом утонченного мужчины, погибшего на пороге дома. Похоже, Цин Мо и впрямь звали покойного.

Листая дальше, Шу Сюнь понял, что перед ним личный дневник. Записи велись хаотично, без видимого порядка — автор заносил на бумагу мысли и события исключительно под настроение. Временной охват впечатлял: судя по датам, между первой и последней страницами пролегло около шести лет.

Первая часть тетради состояла из сухих подсчетов расходов, бытовых трат и каких-то списков дел. Лишь страниц через десять начали появляться полноценные описания событий.

Судя по всему, в то время владелец дневника только устроился на новую работу и обживался в коллективе. Дела шли как по маслу, отношения с коллегами сложились прекрасными. Но больше всего внимания привлекало имя некоего Цюй Яня — оно мелькало на страницах с завидной регулярностью.

Огромный пласт дневника был посвящен именно ему. Описание их знакомства, постепенного сближения и совместной жизни растянулось почти на два года. Все эти страницы сопровождалось столь сложными и запутанными душевными терзаниями автора, что Шу Сюнь, честно говоря, мало что понял. Он лишь искренне удивлялся, насколько противоречивы человеческие чувства: порой они казались хрупкими, готовыми разбиться от легкого касания, а в другой момент обретали невероятную стойкость.

Благодаря этим обрывочным записям у Шу Сюня сложился определенный образ автора — человека, который со временем обрел долгожданную гармонию и душевный покой. Примерно с середины тетради тон повествования изменился: Цин Мо наконец открыл свои чувства Цюй Яню, и они стали парой. Потянулись длинные, тихие будни совместной жизни, наполненные теплом и уютом. На страницах то и дело мелькали зарисовки милых бытовых мелочей и даже небольшие наброски, но изображали они исключительно памятные вещицы — портрета самого Цюй Яня Шу Сюнь так и не нашел.

К сожалению, идиллия не могла длиться вечно — иначе в этот мир не забросило бы чужаков вроде Шу Сюня.

Записи, сделанные около года назад, звучали тревожно. Сперва автор вскользь упомянул о разработке некоего альтернативного источника энергии, но вскоре его тон резко изменился. В словах Цин Мо сквозило нарастающее беспокойство — вокруг явно происходило что-то пугающее и необъяснимое. Мысли его путались, фразы становились все более бессвязными. На страницах то и дело мелькали разрозненные слова: «чудовище», «пропал», «исчезновение»... Но никакой цельной картины за ними не стояло.

<http://bllate.org/book/20265/2181269>